Нет сомнений, что Дмитриев уже готовился к обороне со страниц «своего» журнала. Он понимал прекрасно, что журнал этот не будет достаточно авторитетен, и, вероятно, упоминание о нем в письме Жуковскому делалось не без задней мысли: Дмитриеву, конечно, хотелось бы видеть его в числе сотрудников. В этой связи особое значение приобретает свидетельство А. И. Тургенева в письме к Кайсарову от 9 февраля 1805 г. «Жаль, что тебя здесь нет, — писал Тургенев, а то бы мы, так как нынче в моде издавать журналы, начали бы свой, на что уговаривает меня Дмитриев и предлагает мне, Жуковс‹кому›, Мерзляк‹ову› свой дом для собрания и для работ. Ему хочется этого непременно». Итак, речь идет о новом журнале, «своем» журнале, — видимо, «Вестник Европы» Дмитриев не считает своим до конца. В этом журнале должны принять участие молодые литературные силы (заметим, что двое из приглашенных — будущие «арзамасцы»), и их объединение должно составить полемический фронт. Это совершенно очевидно из последующих строк Тургенева, в которых он предлагает завести «литературную переписку» для печати — если не в Москве, где цензура очень строга, то в Лейпциге. Он просит Кайсарова об ученых и литературных известиях из Германии, а сам обещает доставлять сведения «о здешних глупостях и друзьях просвещения, которые пишутся врагами его, т. е. Кутузовыми и Хвостовыми. . .» «Критика здравая, строгая, беспощадная и полезная — вот цель и план нашей переписки».[65] Тургенев словно пересказывает излюбленные мысли Дмитриева (именно Дмитриева, а не Карамзина) и указывает на его прямых врагов — «Кутузовых и Хвостовых». Но за журнал ни он, ни Жуковский взяться не решаются. «Московский зритель» был паллиативом, но Дмитриев рассчитывал им распоряжаться, и, конечно, не мог не думать о будущих участниках.

В этой ситуации он должен был с особым вниманием и пристрастием присматриваться к новым книжкам «Друга просвещения». В одиннадцатом, ноябрьском номере ему попадается на глаза анонимная (принадлежавшая Хвостову) притча «Барыня и ткачи» с полемической концовкой:

Так рассуждает ввек пиита-самохвал.
Коль вылощит стихи, пускай они не сладки,
Лишь глянец был бы в них, лишь были б гладки,
А там, хотя идей и чувства нет,
Кричит: вот élégance — и я Поэт! [66]

Басня Хвостова была, вероятнее всего, направлена против В. Л. Пушкина — пародировалось его послание «К любимцам муз»,[67] однако Дмитриев отнес этот выпад к себе: он читал «Друга просвещения» с известной установкой.

---

[65] Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. С. 333.

[66] Друг просвещения. 1805. № 11. С. 107, 123, 142. См. также: Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX в. Л., 1959. С. 147, 627—628.

[67] Патриот. 1804. № 4. С. 97. Об этом стихотворении см.: Поэты 1790-х—1810-х годов. С. 663.